

ние, притом ему лично, потому что поручить дело кому: в прокуратуре Лузнин остался один, если не считать секретаря и уборщицы.

Убит священник! Убит человек, в глазах верующих почти святой. И убит он теми, «кто ненавидит церковь и господа бога». Звучит как-то подозрительно. Священника церковники могут объявить мучеником, чтобы привлечь на свою сторону сочувствующих из среды колеблющихся.

Лузнин схватился за телефон и попросил старшего лейтенанта милиции Соловейкина выехать на квартиру Десяткова и быстро проверить, что там случилось.

Коротко рассказав о странном телефонном разговоре, Павел Иванович добавил:

— Дело необычное, надо быть настороже.

— Врача нужно, Павел Иванович?

— Пока нет. Вдруг провокация?

Ровно через полчаса раздался телефонный звонок.

— Что так долго? — с заметным раздражением спросил Лузнин. — Что там? Говори скорее.

— Действительно, умер поп. Народу собралось уйма. Судачат, шумят. Говорят, убили.

— Ты как, официально?

— Нет, зачем же! Просто удостоверился в смерти — и к телефону.

— Хорошо, Виктор Яковлевич. Бери врача. Нужна срочная экспертиза. Дело придется вести вдвоем. Я отправлюсь в церковь, а ты — к Десятковым.

Он одернул пиджак, пригладил волосы и надел фуражку. Надел и задумался:

«Нет, не годится», — и положил фуражку на стол.

В церкви он бывал еще в детстве, с бабушкой, и даже представить не мог, каков сейчас «храм божий». Чувствовал он себя весьма неловко. Визит к настоятелю был ему неприятен.

Можно бы, конечно, вызвать священника в прокуратуру официально, но этот вызов сорвал бы церковную службу.

Представив себе нарекания и недовольство верующих, Лузнин отказался от этого намерения.

Был и другой выход: отложить разговор на вторую половину дня, когда священник свободен. Однако задерживать расследование было нельзя.

## ОТЕЦ ВАСИЛИЙ

Лузнин шагал по улице неторопливой походкой, ничем внешне не выдавая своей обеспокоенности. Сказывался профессиональный навык — следователем Павел Иванович работал десять лет. Предстоящий разговор со священником очень волновал его. Ему еще ни разу не приходилось сталкиваться с подобным делом. Церковники в его глазах принадлежали к какому-то иному миру, миру, давно забытому. Во всяком случае таково было ощущение. Человек, захвативший старое время, когда священник в обществе был чем-то незыблемым, обязательным, может быть, и удивится подобным ощущениям, но ведь Лузнин родился и вырос при Советской власти. Ему от роду не было и сорока лет.

..Служба еще не началась, когда Лузнин вошел в церковный двор, огороженный массивной чугунной оградой на каменном фундаменте. Было такое чувство, что он попал к рачительному хозяину. Сама церковь блистала новизною и свежестью красок. Двор был устлан битым камнем, подметен—ни соринки, словно его вылизали. Яркая зелень на фоне серовато-желтого камня еще больше подчеркивала чистоту.

По слухам, распространившимся в городе, на ремонт и отделку церкви епархия выделила несколько миллионов рублей.

Церковь в сущности не отремонтировали, а почти выстроили заново.

Это богатство поразило Лузнина. Откуда столько средств? Одна ограда чего стоила!

Такая еще нужда в жилье, а тут миллионы уходят. И на что!

Лузнин издали заметил настоятеля церкви Проханова. Он стоял в окружении старушек, одетых в черное. Настоятеля Лузнин видел второй раз и второй раз не мог определить его возраста. Крепок был на вид священник и силой, видимо, обладал недюжинной, судя по его широким плечам, чуть сутуловатой спине и могучей короткой шее.

Проханов не стоял на месте. Залдержавшись на минуту около одной группы женщин, он переходил к другой, ловко лавируя между ними. Походка у него была уверенная, твердая и далеко не старческая. Священник обла-

дал подвижностью мужчины, который находится в расцвете сил.

Лузнин подошел к нему сзади и, чуть прикоснувшись к его плечу рукой, вполголоса произнес:

— Можно вас на одну минуту?

Проханов медленно обернулся.

— Чем могу служить, сын мой?

Мягкий, отшлифованный баритон звучал ласково, а прищуренные глаза, улыбавшиеся мягкой, поощрительной улыбкой, располагали к разговору, который мог стать сердечным. Все это еще больше углубило неловкое состояние Лузнина. Стараясь поскорее покончить с этим неприятным визитом, Павел Иванович еще тише представился:

— Я исполняю обязанности районного прокурора...

Он не договорил, заметив, как отшатнулся Проханов. Отшатнулся так, будто его ударили. Проханов бросил косой быстрый взгляд на старушек, которые навострили уши, стараясь уловить, о чем говорит бабушка, и, шагнув в сторону, сухо спросил:

— Чем могу служить?

— Извините, что беспокою вас в такой ранний час и здесь, но, к сожалению, у меня нет другого выхода. Могу я задать вам два-три вопроса?

— Я слушаю, слушаю! — с нетерпением ответил Проханов, плохо скрывая досаду.

— Где находится второй священник?

— Не могу сказать точно. Дома, вероятно. Больше находится ему негде.

— Вы когда его видели в последний раз?

— В последний раз? — удивился Проханов и с недоумением взглянул на Лузнина. — Вчера видел, в полдень. А в чем дело?

— Только что позвонили в прокуратуру и сообщили: священник Десятков сегодня утром убит.

— Убит! Господи, спаси мя и помилуй! — воскликнул Проханов и стал мелко-мелко креститься. — Прими, господи...

— Вам что-нибудь об этом известно? — перебил его Лузнин, не спуская глаз со священника.

Проханов бросил на Лузнина взгляд исподлобья и словно опалил им. Павел Иванович только теперь рассмотрел глаза отца Василия. Они глубоко ушли под

брови и мерцали каким-то фосфорическим блеском, очень черные, влажные, странно подвижные. В них была и власть, и фанатическая жесткость; они могли вызывать трепет и подчинить себе.

Брови Проханова сошлись на переносице, и он с едва сдерживаемым гневом сказал:

— Гражданин прокурор! Я совсем не обязан следить за Десятковым. Я знать ничего не знаю и знать не желаю. Во имя отца и сына и святого духа я служу богу и в мирские дела не вмешиваюсь.

Это был выпад. Ответ последовал немедленно.

— Извините, это совсем не мирские дела. Вы — настоятель церкви и, полагаю, обязаны знать о людях, вам подчиненных. Меня привело к вам не праздное любопытство. Речь идет о жизни человека, о преступлении. В данном случае оба мы должны быть заинтересованы в его быстрейшем расследовании. На этом основании я и задаю вам вопросы.

Священник как-то очень заметно одернул себя. Он шикнул на какую-то старушку, пытавшуюся поцеловать ему руку, истово перекрестился, обернувшись к алтарю, и глухим, чуть вздрагивающим голосом произнес:

— Вы должны понять меня, уважаемый. Мне показалось, что вы обвиняете меня в какой-то непредусмотрительности. Это мне, старику, обидно слышать. И потом, — священник развел руками, — прокуроры не часто посещают храм божий. Это вы знаете, наверное, лучше меня.

Проханов потер лоб, будто собираясь с мыслями. Павел Иванович видел, как на этом высоком лбу выступают крупные капли пота. Священник волновался.

— Поймите и другое, сын мой... Простите, что так называю вас. Я как-то не могу даже поверить. На самом ли деле преставился отец Иосиф? Вчера он был в добром здравии. И такой веселый, бодрый. Может быть, тут ошибка?

— Нет, ошибка исключена. В доме священника по моему заданию побывал старший лейтенант милиции Соловейкин. Он официально доложил о смерти Десяткова. Около дома народ собрался. Верующие, надо полагать...

— Почему же только верующие? — мягко возразил Проханов. — Если действительно отец Иосиф умер

не своей смертью, — по моему разумению, это чрезвычайное происшествие...

Лузнин понял, что допустил ошибку, но не сразу сообразил, как ее исправить. Он видел, в каком напряжении находится священник и с каким трудом дается ему этот ровный тон.

— Вы совершенно правы. Простите, не знаю, как ваше имя, отчество.

— Василий Григорьевич...

— Вы совершенно правы, Василий Григорьевич. Видимо, около дома не только верующие. Меня все-таки удивляет: как могло случиться, что о смерти священника настоятель церкви узнает последним? Тем более, у вас столько помощников, — он обвел глазами старушек. — И потом, если я не ошибаюсь, два или полтора часа тому назад я слышал какой-то тревожный колокольный звон. И он так внезапно оборвался. Всегда он продолжается по крайней мере с полчаса, если не больше. А сегодня — минут десять...

Павел Иванович умолк, заметив смущение Проханова. Священник сделал произвольное движение рукой, будто от кого-то защищаясь.

Но Проханов отогнал поднятой рукой большую муху и заговорил спокойным голосом.

— Это вы правильно изволили заметить, гражданин прокурор. Наш звонарь последнее время просто безобразничает. Вчера до такой степени напился, охальник, что и поныне пьян. Что ты возьмешь с него, нехристя. — Проханов снова развел руками. — Он сегодня мне службу чуть не сорвал. Придется рассчитать его.

— Василий Григорьевич, а нельзя ли повидать вашего звонаря?

— Сделайте одолжение, гражданин прокурор. Только он спит. Я его прогнал. Пьяный, на ногах не держался. Могу, если прикажете, послать за ним кого-нибудь из певчих.

— Так он же идти не может?

— Если нужно, волоком доставим! — с преданной готовностью ответил священник.

— Нет уж, волоком не следует. Пусть отдыхает. Поговорить с ним, если понадобится, и позже успеем.

— Совершенно с вами согласен. Можно и позже. Если хотите, я пришлю его, когда образумится.

— Нет, нет, зачем же. Присылать не следует. Я совсем не намерен включать звоняря в свидетели. Просто к слову пришлось. Да и дела еще нет никакого.

— Что ж, воля ваша. И прошу поверить мне. Я очень удручен. Скорблю об усопшем. Печальную весть вы принесли мне. Даже не знаю, как так могло случиться. Батюшка умер, а я, старый пень и слуга господень, стою здесь и разглагольствую. Грех это. Не по-божески, не по-людски, уж вы меня простите, старика. Придется службу отменить, если такое несчастье постигло приход наш. Отец Иосиф был преданным человеком святой церкви, и мы должны отдать ему все почести. — Священник с достоинством поклонился. — Я должен покинуть вас.

— Да-да, я понимаю вас, — деликатно ответил Лузнин.

Настоятель медленно повернулся и зашагал к амвону плавной, величавой походкой.

Лузнин поспешил в прокуратуру.

#### ТЕТЯ ПАША ПОДОЗРЕВАЕТ...

— Павел Иванович! — поднялся навстречу Лузнину Соловейкин. — Разрешите доложить. Вместе с врачом мы установили: никто Десяткова не убивал.

— Как? — удивился Лузнин. — Ты же сам утверждал...

— Ничего особого я не утверждал. Передал, что слышал, и удостоверил, что Десятков на тот свет определен.

Павел Иванович поморщился.

— Что за тон? Давай по существу.

— Так я ж и говорю по существу, Павел Иванович. Умер Десятков. Сердечник он. Его удар хватил.

— С кем говорил об этом?

— С соседкой. Гунцева ее фамилия. Так она со всей определенностью утверждает: сердечник, мол, от разрыва сердца умер.

— А что врач говорит?

— И он того же мнения держится. При первом осмотре никаких телесных повреждений не обнаружено. Поглядим, говорит, что покажет экспертиза, но пока он не видит ничего подозрительного, что бы говорило о насилии... — Соловейкин облегченно вздохнул.

— Да-а... История...

Лузнин потер широкой ладонью крутой подбородок и в глубоком раздумьи зашагал по кабинету.

А Соловейкин уселся за прокурорский стол и, положив ногу на ногу, следил за Лузниным улыбающимися глазами. Коренастый, плотный, лысоватый. Внешность, как говорится, без особых примет, если б не лицо. Работникам его профессии как-то уж «по штату» положена некоторая резкость и жесткость во всем облике, а у Лузнина и намек на это не было. Глаза добродушные и к тому же мягкая округлость лица, ямочки на щеках и подбородке...

Ходьба в раздумьи продолжалась довольно долго. Наконец Соловейкин не выдержал:

— Я, Павел Иванович, определенным образом не пойму тебя. Такая гора с плеч, а ты опять что-то затеваешь.

Соловейкин хорошо знал Лузнина. Все, кажется, просто, ясно, а он перевернет все шиворот-навыворот и копается потом, ищет.

— Говоришь, умер своей смертью? — спросил Лузнин.

— Не я говорю. Врач так предполагает.

— А ты знаешь эту женщину, которая утверждает, что Десятков умер от разрыва сердца? Она что — тоже врач?

Соловейкин вспыхнул: ему даже в голову не пришло узнать подробности об этой Гунцевой.

— Нет, не врач. И, кажется, нигде не работает.

Павел Иванович с удивлением взглянул на Соловейкина. Мальчишка он, что ли? Ведь уже не одно преступление было раскрыто вместе с Соловейкиным, но старшего лейтенанта слишком часто приходилось то подстегивать, то сдерживать, а еще чаще поправлять, хотя разницы в годах у них почти не было.

— Ты, Виктор, кажется, упрощаешь дело. Вдумайся в факты. Кто звонил в прокуратуру и, главное, зачем? Это первое, что меня смущает. И второе. Экспертизы пока нет. Утверждать что-то категорическое у нас нет оснований. Мы можем лишь предполагать. Есть и третий довод, не очень, правда, существенный, но, однако, его нельзя оставлять без внимания. Я хоть и ругал себя, что пошел сам в церковь, но кое-что все-таки получил от встречи с настоятелем.

Соловейкин, с интересом слушавший Лузнина, подался вперед.

— А что... Что выяснил?

Однако ответить Павел Иванович не успел: в кабинет без стука вошла маленькая, сухонькая женщина лет пятидесяти. То была уборщица Павлина Афанасьевна, или тетя Паша, как ее все звали в прокуратуре. Была она быстрая в движениях, имела характер решительный, независимый, прокурора Афимова звала запросто «сын-нок», хотя по возрасту была всего на два года его старше. Все другие также ходили у нее в рангах «сынков» и «дочек», кто бы ни пришел и ни приехал в прокуратуру.

Павлина Афанасьевна приостановилась у порога, по очереди оглядела обоих живыми, не потерявшими блеска карими глазами (когда-то она слыла красавицей) и небрежно поздоровалась, будто сердилась на них:

— Здрасте вам!

Она строго взглянула на Соловейкина, пытавшегося что-то сказать Павлу Ивановичу, досадливо махнула на него рукой, словно это был не старший лейтенант милиции, а так просто, мальчишка школьного возраста. Тетя Паша давно уже недружна была с Соловейкиным, да и тот ее не жаловал, хотя связываться с уборщицей побаивался.

— Дело у меня, сынок, — глухо сказала тетя Паша, обращаясь к Лузнину. — Может, оно и враки, кто его разберет. Рассуди-ка сам, на то и есть прокурор. У нас, у верующих, несчастье. Отец Иосиф помер...

Лузнин насторожился, но не подал виду, что заинтересован в разговоре.

— А какое это имеет отношение ко мне? Ведь смерть — не преступление.

Павел Иванович всем корпусом повернулся к Павлине Афанасьевне и встал перед ней в нетерпеливой, выжидательной позе.

— Не спеши, не спеши, сынок. Ты сядь и меня усади рядом. Вот так. А теперь о деле. Как услышала о несчастье-то — я к матушке. Убивается горемычная, горюет. Нас у матушки много собралось. Поплакали мы вместе с ней, погоревали, а потом, слово за слово, разговорились: отчего да почему помер отец Иосиф? Ну, вот я и... Словом, за что купила, за то продаю. Будто бы дело-то нечистое.

Павел Иванович слегка развел руками.

— Тетя Паша, не понимаю. Виктор Яковлевич, может, вы уразумели?

Соловейкин лишь досадливо поморщился.

— Батюшка-то не своей смертью на тот свет преставился. Будто убили его.

— Та-ак, — произнес Лузнин. — А еще что говорят?

— Разное говорят, — неохотно ответила женщина. — Все разве упомянешь.

Лузнин мягко коснулся руки Павлины Афанасьевны.

— Тетя Паша, новость для нас вы сообщили очень важную. Уж вы, пожалуйста, ничего не скрывайте. Кого подозревают, не слышали? Поймите, это очень серьезно.

— Нехристи убили, вот кто! Больше ничего не знаю. С матушкой потолкуйте, скажет, ежели захочет.

И уборщица двинулась к выходу. У самой двери она остановилась.

— Да, чуть не забыла. Тебя тут спрашивали, — сказала она, обращаясь к Павлу Ивановичу. — Соседская девочка играла у нас во дворе. Какой-то человек попросил ее постучать и спросить, в своем ли кабинете прокурор.

Лузнин пожал плечами.

— А какой он из себя? Девочка не рассказывала?

— Вот уж чего не ведаю, того не ведаю. Сама бы я, конечно, разглядела. А то девочка... Что с нее возьмешь?

Лузнин улыбнулся.

— Спасибо, тетя Паша. Уж извините, но мне сдается, что-то вы от нас скрываете.

Женщина ничего не ответила, пожала плечами и вышла.

— Немедленно экспертизу, Виктор Яковлевич, поторопись, — сказал Лузнин.

Соловейкин одернул темно-синюю гимнастерку и направился к двери.

### ГОРЕ ИЛИ ЦЕРЕМОНИЯ?

Было около двенадцати дня, когда Лузнин вышел из прокуратуры. Солнце палило нещадно.

На улицах городка стояла тишина. Был обычный рабочий день недели. Люди трудились. Прохожих совсем

почти не было. Не увидел Павел Иванович и детей. Зной загнал всех в дома, в тень.

По улицам бродили только собаки. Одни, высунав длинные, влажные языки, дрожавшие от частого, прерывистого дыхания, тихо трусили по дороге, другие лениво выглядывали из-под ворот и лишь по привычке тявкали вслед редким прохожим.

Павел Иванович чувствовал себя очень уставшим. Давала себя знать бессонная ночь. Хотелось спать, но спать было нельзя. Дело усложнилось.

Когда Лузнин вошел во двор Десятковых, он заметил Соловейкина, который что-то рассказывал Белякову, старшему лейтенанту уголовного розыска.

Павел Иванович торопливо поздоровался с Беляковым и с недоумением спросил Соловейкина:

— В чем дело? Десятков разве не отправлен на экспертизу?

Соловейкин и Беляков молчали, будто и не слышали вопроса. Во дворе скопилось много женщин в черной одежде. Они заглядывали в отворенную дверь дома, откуда доносилась заунывная мелодия, и настороженно переговаривались. Вдруг толпа женщин зашевелилась.

Павел Иванович заметил двух монахинь, властно раздвигающих толпу пренебрежительным движением рук. Эти белые руки будто покрикивали властно: «Эй! Стой!» Лица обеих монахинь поражали своей иступленностью и полным пренебрежением к тому, что делалось вокруг.

Монахини остановились, о чем-то пошептались между собой и, медленно обернувшись, с тем же величавым неприятием окружающего удалились в глубь комнаты.

— Видали! — воскликнул Соловейкин. — Явление Христа народу...

— Тс-с... — Беляков приложил палец к губам. Обернувшись к Лузнину, он пояснил:— Невозможно подступиться. Обряд начался. Хотели очистить двор, только разве можно сейчас? Шуму потом не оберешься. Ждем вот.

Павел Иванович кивнул головой в знак согласия, вошел в тень ветлы и стал рассматривать людей, собравшихся во дворе Десяткова.